

● Сегодня исполняется 200 лет со дня рождения Людвиг ван Бетховена

ПРИКОСНУВШИСЬ К ВЕЛИКОМУ

Нам, двум журналистам, сотрудникам одной редакции, людям разных поколений, довелось побывать в местах, где родился и умер Бетховен, как бы нечаянно прикоснуться к бессмертию великого композитора. И сегодня, в день, когда все прогрессивное человечество отмечает двухсотлетие со дня рождения, мы не можем об этом не рассказать.

Этот старинный дом стоит на перекрестке двух узких боннских улочек. Лепные узоры, двери, отделанные бронзой, статуи по фасаду — от всего веет благодатной стариной. Приезжие, привлеченные громкой славой этого дома, почтительно останавливаются, а самые нетерпеливые готовы заглядывать в окна: где же, где он жил, великий Людвиг?

Но дом не спешит раскрыть тайну. Нужно пройти парадным подъездом, потом повернуть во внутренний дворик, где к стене каменного гиганта прилепился двухэтажный кирпичный дом. Шаткая деревянная лестница ведет наверх, в мрачноватую комнату с низким потолком, скрипучими половицами и скошенной наружной стеной. Луч солнца падает на небольшой бюст, на венки у его подножья.

Не нужно громких слов. Постоим в тишине у бархатной ленты, закрывающей вход в маленькую комнатку. В ней 200 лет назад родился Людвиг ван Бетховен.

Теперь здесь музей. В вестибюле тихо. Старик-немец продает билеты и открытки с видами музея, с портретом композитора. Женщина в старомодном платье уводит оче-

редную группу посетителей наверх.

Ровным голосом экскурсовод рассказывает о детских годах Людвиг. Бытовые подробности («здесь он любил сидеть», «здесь была спальня его родителей») перемежаются рассказами о ранних успехах юного музыканта и композитора.

У стены приютился клавесин — первый инструмент, который освоил Людвиг. О клавесине мало сказать, что он старенький — бог знает, на сколько лет раньше Людвиг появился он на свет. На нем будущий маэстро брал первые гаммы. У клавесина он часто просиживал до утра, впрочем, не всегда по своей воле. Один из учителей Людвиг, друг его отца, одаренный музыкант и талантливый кутила, возвращаясь ночами с гулянки, будил юного Бетховена, и тот в слезах играл до третьих петухов.

Вот несколько рукописей Бетховена. Вот его письмо. Портреты родителей и деда, тоже Людвиг ван Бетховена. Кое-какие вещи из обихода семьи. Экспозиции бедны, как и рассказ экскурсовода. Несколько прилизанных эпизодов детства, главные даты творческой деятельности — и осмотр музея закончен.

Раскрываю фотоаппарат, нажимаю спуск. «Найн», — слышится за спиной. Подходит еще один служитель музея и вежливо, но непреклонно заставляет убрать камеру. Оказывается, музей частный. Владеет им одна западногерманская семья, для которой музей — едва ли не главный источник существования. Значительную часть дохода составляют кан раз открытки с видами музея, так что монополию на съемки владельцы бетховенского домика охраняют свято. Разреши иному предпринимчивому экскурсанту сделать снимки, а он возьмет и выпустит свои собственные открытки, конкурируя с музеем.

Стала понятна бедность экспозиций. Обогащать их просто напросто нет средств. Оказывается, и так кое-что из музейной утвари — добровольные пожертвования.

В музее я сделал только один снимок — вовсе не для конкуренции. Я нечаянно нарушил правила, установленные владельцами бетховенского дома, и прошу прощения за публикацию снимка. Люблю музыку Бетховена, знаю, как любят и ценят ее мои земляки, и пусть этот факт будет смягчающим мою вину обстоятельством.

В. ДЕНИСОВ.

«Зачем ты спрашиваешь нас?..»

В России знают все
и Венский лес,
и Венский вальс

и Венское шоссе».

Эти строки поэта-солдата Семена Гудзенко написаны в апреле 1945 г. незадолго до взятия советскими войсками Вены, города, где долгое время жил и умер Бетховен. Разумеется, наши воины, с боями продвигавшиеся к австрийской столице, прекрасно понимали, что они возвращают народам Европы германскую культуру, извращенную или преданную забвению врагом человечества, германским фашизмом. Более того, творения великих немецких писателей, композиторов, художников воодушевляли, поднимали на подвиги самих наших бойцов. Свидетельством тому хотя бы известные всем строчки из дневника Зои Космодемьянской.

Об этом же говорит запомнившийся мне эпизод, относящийся к августу того же победного года. Тогда, насколько помнится, это было в «день Хиросимы», 6 августа, — мы, группа работников советской военной администрации в Венгрии, приехали на экскурсию в Вену.

После осмотра храма святого Стефана, Пратера, поездки по Венскому лесу, гид привез нас к кладбищу, где похоронены многие выдающиеся деятели немецкой культуры. И при всей уплотненности экскурсионного графика, мы были ему благодарны, потому что кладбище это, стоящее иных художественных музеев, не зря относится к числу достопримечательностей даже такого изумительно красивого города, как Вена, и всегда привлекает посетителей.

В этот день среди них было много советских военнопленных. Я невольно обратил внимание на державшуюся особняком от других группу наших военных моряков. С легкой флотской развальцей, проходя

мимо могил, осматривая памятники, они в отличие от других, не выражали шумного восторга. Даже у великодушного, являющего собой подлинное произведение искусства памятника Штраусу остановились ненадолго. Но, заметив неподалеку куда более скромное надгробие Бетховена, устремились к нему. Молча стояли минуту, потом старший по званию молодой, лет тридцати на вид капитан второго ранга, задумчиво произнес: «Братцы, а ведь надо бы помануть Бетховена». Он открыл фляжку, налил себе и товарищам, они выпили и, когда наша машина отъезжала, все еще стояли у памятника».

Разумеется, нелепо было бы нарушать торжественность момента, подходить к людям с расспросами, да и о журналистике я тогда еще не помышлял. Могу только догадываться, что где-то глубоко в сознании этих людей, прошедших всю войну, похоронивших многих боевых товарищей, в эти минуты звучал слышанный когда-нибудь давно, в мирное время величественный и мятежный, зовущий к победе траурный марш из третьей Героической симфонии Людвиг Бетховена.

Л. ГАРЯЕВ.

На снимках: за фасадом этого боннского дома — музей Бетховена; комната, где родился Людвиг.